

«ОМСКАЯ СБОРНАЯ»

Андрей КОЗЫРЕВ

РАСШИФРОВЫВАЮЩАЯ СНЕГ

Стихотворения

К вопросу о происхождении человека

Поэтический комментарий к Дарвину

Стихли в небе орлиные клики.
Мир дрожал, как в последний свой миг...
Кроманьонец, усталый и дикий,
С палкой вышел из дебрей лесных.

Он смотрел на луну первозданно,
Допотопно, пещерно и зло...
И в мозгу у него окаянно
Что-то мучилось, зрело, росло...

Поднимались дворцы и колонны,
Восставали над миром цари,
Римы, Лондоны и Вавилоны
Каменели в сиянье зари...

Кроманьонец стоял, тихо ахал
И слезу мокрой лапой стирал...
Только мамонт – впервые без страха –
На него из чащобы взирал.

А в душе у лесного бродяги
Под неведомый атомный скрип
В первозданном тумане и влаге
Поднимался чудовищный гриб...

Эдды, Библии, кодексы веры
Зарождались в лучистой пыли...
И в узорах на стенах пещеры
Прорастали эскизы Дали...

И молчали тревожно пещеры,
Предвкушая, как скоро, горя,
Над столицами атомной эры
Мезозойская встанет заря.

Воробьиная ода

Дмитрию Соснову

***Воробей, ты – великая птица...
Юнна Мориц***

Неужели тебя мы забыли?
Для меня ты всегда всех живей –
Спутник детства, брат неба и пыли,
Друг игрищ и забав, воробей!

Ты щебечешь о небе, играя,
Неказистый комок высоты, –
Сверху – небо, внизу – пыль земная,
Между ними – лишь ветка да ты!

Как ты прыгаешь вдоль по России
На тонюсеньких веточках ног –
Серой пыли, особой стихии,
Еретик, демиург и пророк.

В оптимизме своем воробейском,
Непонятном горам и лесам,
Научился ты в щебете детском
Запрокидывать клюв к небесам.

Воробьиною кровью живее,
От мороза дрожа, словно дым,
Я, как ты, ворожу, воробею,
Не робею пред небом твоим.

И зимой, воробьясь вдохновенно,
Не заботясь, как жил и умру,
Я, как ты, воробьянка вселенной,
Замерзая, дрожу на ветру...

Но, пока ты живёшь, чудо-птица,
На глухих пустырях бытия
Воробьится, двоится, троится
Воробейная правда твоя!

* * *

Я листал, словно старый альбом,
Память, где на седых фотоснимках
Старый мир, старый сад, старый дом, –
Прошлый век с настоящим в обнимку.

Деды-дети, мальчишки, друзья,
Что глядят с фотографий бумажных, –
Позабыть вас, конечно, нельзя,
Помнить - трудно, и горько, и страшно...

Вы несли свою жизнь на весу,
Вы ушли, – хоть неспешно, но быстро.

Не для вас стонет птица в лесу,
Не для вас шелестят ночью листья.

И, застыв, словно в свой смертный час,
Перед камерой, в прошлой России,
Вы глядите с улыбкой на нас -
Дурачки, скоморохи, родные!

Не спасло вас... ничто не спасло:
Земли, сабли, рубли... всё пропало.
Вероятно, добро - это зло,
Что быть злом отчего-то устало.

Что ж, пора отдохнуть. Жизнь прошла.
Спите, прожитых лет не жалея.
Лёгок сон... а земля - тяжела.
Только жизнь может быть тяжелее.

ПАМЯТИ ИННОКЕНТИЯ АННЕНСКОГО

Петербургская острая желчь.
Царскосельская хмурая осень.
...Кто велит нам вести эту речь,
Ту, что мы до могилы не бросим?

По аллеям, среди фавнов, химер,
Он ходил тенью брата сторонней –
Царскосёл, педагог, лицемер,
Белый лебедь под маской вороньей.

Но вонзалась, как из-за угла,
Боль под сердце – не смей шелохнуться...
И сибирская чёрная мгла
Закипала в крови петербуржца.

И невольно, в предсмертной тиши,
В пустоте – он дышал всё смелее
Вьюжной совестью русской души,
Снежной замятью Гипербореи...

И ломались суставы веков,
И рождались слова, злом язвимы,
И полынная крепость стихов,
Горьких, терпких и незаменимых...

И звучал в тихих песнях металл,
Тонкий хмель, отравляюще жаркий...
...Серый дым. Петербургский вокзал.
Смерть – античной, классической марки.

...Наплывает полярная мгла,
Звуки реют, не смея ласкаться,
И два чёрных, два смертных крыла
Прямо на сердце мощно ложатся...

И встают пред глазами – из тьмы –
Непонятные воспоминанья:
Жёлтый пар старой омской зимы,
Жёлтый дым, облегающий зданья...

Над Невой, обречённой судьбе,
Плыли тени былой Мангазеи...
И лежал на вокзале, в толпе,
Петербуржец из Гипербореи.

ВЕТЕР И ВОЛНА

(Иртышская набережная. Вечер. Одиночество)

Туманный берег. Сумерки любви.
Дождь пунктуально размечает плиты
На набережной. И почти забыты
Размолвки между мною и людьми.
Чем мы взрослей, тем чаще наяву
Мы ссоримся, как маленькие дети...
...Бессвязностью дождливых междометий
Описан мир, в котором я живу.

Незримая мне чувствуется связь
Меж ветром и волной, что нарастает.
Идёт прилив, и время прибывает,
О берег, как о тишину, дробясь.
А ветер, с пляжа в город восходя,
Стирает с сада времени отметки
И вписывает дрожь ольховой ветки
В тончайшую параболу дождя.

Я – ветер. Ты – волна. Смиришься ты,
Приливу неба уступив покорно.
Так сумерки втекают в зелень дёрна
Чернилами, что с неба разлиты.
И некий неизвестный миру бес
Играет связью неба с жизнью светской,
Стремясь отождествить рисунок детский
И звёздные каракули небес...

В чернилах – облака. Пустынен пляж.
Один ребёнок собирает камни.
Вернуть тебя... Познать себя... Куда мне!
Я – кто? Был – человек, а стал – пейзаж.
И в голову приходит лишь одно:
В разлуке, словно пёс, скулить негоже...
.....
Но звёздный холодок бежит по коже,
Когда Господь сквозь нас глядит на дно.

ОСЕНЬ В ВИЗАНТИИ

А.Балтину
Роскошна осень в Византии...

Великолепна осень в Византии.

Летит с небес багряная листва,
Тяжел покой тысячелетних парков,
И тяжелей стократ над спящим миром
Воздвигнутый Творцом незримый купол.

Рабы – смердят. Патриции – воруют.
Монахи – тихо молятся во храмах.
И со столпа святой над небесами
Обозревает христианский мир.
Молчат пределы темной Ойкумены.
Бушуют волны варварского Понта.
А в императорском дворце – спокойно,
И стража тихо дремлет в полутьме.

А император, совершив молитву,
Спокойным, тихим голосом велит
Казнить десятки неповинных граждан.
И тысячеголовая толпа
Молчит, дворец высокий окружая:
Надежны стены, и прочна решетка.

Великий Свод простерт над грешным миром.
Пока он прочен, ничего не страшно:
Пусть сто веков плетет свои интриги
Сын Херсонеса, хитрый Калокир.
Пусть император, чуть прищутив веки,
Бросает беспокойный взор на Киев,
Где варвары, где кровь, вино и страсть.
Пусть варвары волнуются, и цирки
Бушуют, и рвет город спор извечный:
– Ты за кого? За «синих» иль «зеленых»?
Поэты ропщут, молятся святые,
Болгаробойца проливает кровь,
Слепые, друг за друга уцепившись,
Шагают за апостолом Петром.
Пусть двое сарацинов у стены
Кидают жребий о судьбе Царьграда!
Пусть набухают варварские жилы!
Но закрома трещат, полны запасов,
Но крепкие быки идут по пашне.
Спокойны царьградские святыни.

Великолепна осень в Византии.
И кажется, что скоро, очень скоро
Царьград взойдет на небо, вознесется,
И станет царь земной – Царем небесным,
Господь – Поэтом Неба и Земли.

Великолепна осень в Византии.
Не родился Махмуд Завоеватель,
Что время Рогом Золотым свернет.
Жезл Мономахов и Палеологов
Высоко вознесен над старым миром,
И свод Софии спит над ойкуменой,
И далеко до смерти и зимы,
А дальше – Суд и семь веков позора,
А дальше – Воскресение из мертвых,
А дальше – тишина и синий свет...

Великолепна осень в Византии...

И до зимы – ещё тысячелетье...

СУДЬБА И СУД

Жизнь – прошлых лет переизданые...

И все-таки, как ни крути,
Мне не уйти от воздаянья,
От строгих судей не уйти.
Они во мне – и надо мною,
Они – никто, они – я сам...
Да, трудной тяжестью земною
Я весь прикован к небесам.

Пожалуй, каторги не легче –
Идти сквозь время налегке,
Изгибы, взлёты русской речи
Сводя к прямой, простой строке.
И мимо жизни, счастья мимо
Легла, как путь, в мирской пыли
Строка – скамьёю подсудимых
От края до конца земли.

Я осуждён. Вердикт был краток:
Меня простит единый Бог.
Но Бог таится вне грамматик,
Как сострадательный залог.
– Ступай. Живи, не зная тягот,
Пой, радуйся, что жизнь проста, –
Ведь все равно все мысли лягут
На белый эшафот листа!

Но, в глубине скрывая пламя,
Как бы губами шевеля,
Под окаянными стопами
Дрожит, дрожит, дрожит земля...
Палач топор свой подымает,
Клокочет зев, хрипит гортань,
Но чей-то голос заклиняет
Торжественно:
– Пророк, восстань!

И все века промчатся в танце,
Передо мной теряя вес,
И смысла нет просить: «Останься!» –
У исчезающих небес...
Я холодею, в сердце видя,
Как, не предчувствуя беды,
Уходит в воду Атлантида,
Встаёт град Китеж из воды,

Кружится в пляске Саломея,
И на потоп взирает Ной,
И Цезарь падает, бледнея,

На мрамор, кровью залитой...
И ветер, каторжный и резкий,
И снегом омским жизнь полна,
И замаячит Достоевский
В зеркальной пропасти окна...

Все дни свои, разлуки, встречи
Вношу я в строгий каталог,
Но – по течению русской речи
Плыву, как сорванный листок...
И речь, что требует отваги, –
Не про себя, не для себя,
И в каждой строчке на бумаге –
Мой суд, сужденье и судьба.

РАСШИФРОВЫВАЯ СНЕГ

Шумит тревожно книжная листва.
Седая туча ликом схожа с Богом.
Зелёный накануне Покрова,
Просторный луг чуть шепчет о высоком
Слова, что пропадают в мураве,
Непонятые, как пустые бредни.
И в белом храме Спаса-на-траве
Космическая служится обедня.

Как этот луг, мы другу и врагу,
Свою печаль щепоткой веры сдобрив,
Прощаем всё – словесную пургу
И холод, непонятный, как апокриф.
В глазах у неродившихся небес
Стоят творцы, герои и пророки...
И, словно кони, взмыленные строки
Взлетают небесам наперерез.

Поэты, словно травы, зелены.
Шепча свои зелёные молитвы,
Мы скрылись бы от вьюги, как от битвы,
Под сердцем засыпающей страны.
Мы скрылись бы во сне, как в синеве,
От обжигающе холодной яви...
Но мы изобретать себя не вправе.
Нас пишет небо – снегом на траве.

Пришелец из приснившихся веков,
Я прочитал бы луг, как сборник басен,
Но алфавит травы ещё неясен,
И литеры не знают смысла слов.
И я, апокрифичный человек,
Ища во всём закона, меры, цели,
Сверяю с книгой литеры метели,
Угрюмо расшифровываю снег.